
ОЖИДАНИЯ И ОПАСЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В КРОССКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ*

Н.П. Нарбут, И.В. Троцук, Цзи Цзиньфэн

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Признавая оправданность и необходимость обозначенных в статье общепринятых методических решений в анализе положения молодежи на рынке труда и процесса становления молодых специалистов как детерминированных совокупностью объективных и субъективных факторов, авторы считают важным дополнить получаемые таким образом данные оценкой ожиданий и опасений студенческой молодежи в профессиональной сфере, поскольку нередко проблемы на рынке труда порождены несоответствием реалий ожиданиям молодых специалистов и их опасениям в отношении собственного трудоустройства и карьеры. Прежде чем рассматривать ожидания и опасения студенчества в профессиональной сфере, авторами был разработан опросный инструментарий для оценки общего уровня тревожности молодежи, чтобы на этом фоне корректно интерпретировать данные анкетирования, сфокусированного на профессиональных надеждах и страхах. В статье представлены результаты сопоставления уровня тревожности российской и китайской молодежи, полученные в ходе анкетирования выборочных совокупностей московского и пекинского студенчества. В частности, зафиксирован более высокий уровень одновременно тревожности, оптимистичности и фаталистичности китайской молодежи, но подобная амбивалентность вполне «нормальна» и фиксируется, хотя и по иным основаниям, и у российского студенчества.

Ключевые слова: ценностные ориентации; страхи; уровень тревожности; ожидания и опасения в профессиональной сфере; студенческая молодежь; опросный инструментарий; сравнительный анализ; амбивалентность молодежного самосознания.

В последние десятилетия исследователи во всех странах мира, особенно в тех, что переживают сложные переходные процессы самого разного характера и происхождения, фокусируют свое внимание на векторах трансформации ценностного многообразия обществ, особенно в молодежном сегменте.

В значительной степени пристальный междисциплинарный интерес к мотивам и поведенческим паттернам молодых поколений обусловлен повышением интенсивности и скорости социальных изменений и структурной перестройкой международного рынка труда как сложной, многофункциональной системы интеграции национальных рынков посредством, в том числе перемещения трудовых ресурсов между странами и регионами [6], чему немало способствуют и социально-экономические характеристики отдельных экономик (скажем, недостаток рабочих мест и невостребованность кадров высшей квалификации вынуждают их эмигрировать в более заинтересованные в их компетенциях рыночные системы), и инвестиционная и технологическая политика крупных транснациональных компаний.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 13-03-00362.

В этом предметном поле представители разных дисциплин легко обнаруживают интересующие их проблемы, специфика же социологического подхода к анализу положения разных социально-демографических групп, но прежде всего молодежи, на рынке труда состоит в акцентировании внимания на своеобразии исторических условий и социокультурной обусловленности моделей рынка труда, хотя, безусловно, принимаются во внимание и приоритетные и вынужденные направления специализации различных стран, и крупномасштабные перемещения ряда экономических операций из развитых государств в страны «третьего мира» [7]: транснациональные компании в целях экономии ресурсов и оптимизации затрат размещают в странах с развивающейся экономикой базовые производства, которым необходимы работники с низким уровнем квалификации, и концентрируют высокотехнологичные проекты, требующие высокой квалификации исполнителей, в развитых странах (в странах Европейского Союза, Норвегии и Швейцарии большая часть рабочих мест к 2020 г. будет требовать специалистов высокой квалификации).

Положение молодежи на рынке труда имеет свою специфику, обусловленную изменчивостью спроса и предложения, социально-профессиональной неопределенностью молодежи, ее статусной неустойчивостью в системе трудовых отношений, трудностями самоопределения молодых людей вследствие как большой вариативности рынка труда, так и риска оказаться невостребованными в родном регионе (или регионе обучения) с полученной квалификацией и уровнем знаний, меньшей конкурентоспособностью молодых специалистов по сравнению с представителями средней возрастной группы и т.д. Все эти характеристики составляют предметное поле многочисленных эмпирических исследований, но в зависимости от территориальной принадлежности молодежного рынка труда различаются тематические приоритеты социологического анализа. Скажем, в развитых европейских странах это сокращение количества и качество рабочих мест и гендерные различия в размере оплаты труда; в Центральной и Восточной Европе и государствах СНГ — высокий уровень безработицы, большое количество молодежи, которая не занята ни в трудовой, ни в образовательной сфере, работа молодых специалистов на не соответствующих их квалификации позициях и внешний миграционный отток; в Восточной Азии — трудности перехода молодежи от учебы к труду, резкое неравенство возможностей получения образования и трудоустройства в городе и деревне и контроль внутренних потоков трудовой миграции и т.д. По данным Международной организации труда, основные проблемы молодежного рынка труда, независимо от регионального размещения, — снижение уровня экономической активности и доли занятых при одновременном росте численности трудовых ресурсов, что ведет к нарастанию безработицы (доля молодежи в общей численности трудоспособного населения — примерно 25%, тогда как молодые безработные составляют более 40% безработных).

Социологические исследования, в том числе и кросскультурного характера, рассматривают в контексте социально-экономических процессов, которые фиксируются посредством статистических и демографических показателей, модели ста-

новления молодого специалиста — с момента начала поиска работы (независимо от уровня образования) до устойчивого вливания в стабильную трудовую деятельность, а также определяющие успешность профессиональной карьеры или же, наоборот, затрудняющие ее объективные (например, территориальные особенности молодежного рынка труда, программы государственного субсидирования заработных плат стажеров) и субъективные факторы (предпринимаемые молодыми людьми действия, стратегии профессиональной самореализации и т.д.). Они могут способствовать включению молодого человека в работу (скажем, широкое распространение программ стажировок и сотрудничество крупных предприятий с вузами) либо исключению начинающего специалиста из системы общественно-трудовых отношений (если рынок труда в конкретном регионе слабо развит).

Социологические исследования могут носить как теоретический, так и практический характер, хотя речь в обоих случаях идет о всестороннем анализе становления молодого специалиста, ключевых переломных моментов в его трудовом пути, ведущих как к профессиональному росту и реализации, так и к долговременной или окончательной потере возможностей трудоустройства и профессионального развития.

Специфика и объем задач большинства подобных эмпирических проектов определяют их повторный, трендовый тип, чтобы систематически отслеживать жизненные планы молодых людей в возрастном диапазоне, условные границы которого могут варьировать от 15 до 35 лет, оценивая их ценностные ориентации, интересы и потребности в сфере труда и профессионального становления.

Основным методом здесь обычно являются массовые репрезентативные социологические опросы, которые позволяют получать необходимые для значимых статистических обобщений данные, касающиеся типичных моделей трудового становления молодых специалистов, их ожиданий и планов, объективных возможностей реализации таковых в конкретных территориальных и социально-экономических условиях, прогнозируемых и неожиданных, реальных и мифологемных трудностей, с которыми сталкиваются молодые люди, начиная трудовую деятельность.

Признавая оправданность обозначенных методических решений, мы считаем необходимым дополнить получаемые таким образом данные оценкой ожиданий и опасений молодежи в профессиональной сфере, поскольку помимо очевидных расхождений в требованиях работодателей и содержании образовательных программ множество проблем на рынке труда порождены несоответствием реалий ожиданиям молодых специалистов и их необоснованными опасениями в отношении возможностей трудоустройства и выстраивания профессиональной карьеры.

Для достижения этой цели были предприняты следующие шаги: во-первых, с 2007 г. на базе Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов проводятся «замеры» ценностного многообразия российского общества в молодежном сегменте; во-вторых, неоднократно апробированный на столичной выборке студенчества опросный инструментарий был использован для оценки различий в ценностных доминантах московской и региональной молодежи (анкети-

рование было реализовано в Майкопе); в-третьих, было проведено сравнение ценностных ориентаций российской и китайской студенческой молодежи; в-четвертых, прежде чем анализировать ожидания и опасения российского студенчества в профессиональной сфере, был разработан опросный инструментарий для оценки общего уровня тревожности молодежи, чтобы корректно интерпретировать данные сфокусированного на профессиональных надеждах и страхах анкетирования (будет осуществлено в 2014 г.).

Итак, с 2007 г. Социологическая лаборатория Российского университета дружбы народов и Пекинский Центр исследований детства и юношества реализуют совместный проект по изучению мировоззренческих доминант студенческой молодежи двух стран.

Обращение к китайским коллегам было обусловлено не только дружественными связями наших организаций, но и объективными причинами: наши страны переживают, пусть и в разных масштабах и с различными результатами и последствиями, схожие процессы изменения миграционных потоков, демографических трендов, национального и конфессионального состава населения, демократизации политической системы, либерализации экономики и т.д. Они влекут за собой переход к многоукладным рыночным отношениям, трансформацию «статусных» позиций государства во всех сферах жизнедеятельности общества и его ответственности за гарантии социального благосостояния, формирование иной, более сложной системы социальной стратификации и т.д., которые по-разному воспринимаются разными поколениями граждан тех стран, что мы привыкли называть постсоциалистическими [1; 5].

Эти различия позволяют ученым говорить о переходе от морально-политического единства и социального консенсуса относительно важнейших вопросов общественного развития к конфликту (как максимум) или разнообразию (как минимум) ценностей. В целом исследователи сходятся в том, что у молодежи России и Китая, как, впрочем, и других постсоциалистических стран, нарастают индивидуалистические настроения, материальная заинтересованность и стремление к социальной независимости и экономической самостоятельности, хотя сохранение традиционных ценностей в китайском обществе снизило в нем градус поколенческого конфликта, столь высокий во взаимодействия «советского человека» и «многоликого молодого россиянина».

Результаты сравнительных исследований ценностных ориентаций российского и китайского студенчества неоднократно публиковались на страницах нашего журнала, поэтому лишь кратко суммируем выводы о мировоззренческих доминантах молодежи двух стран, прежде чем перейти к данным социологического анкетирования, реализованного осенью 2013 г.

С одной стороны, российские студенты убеждены, что большинство людей сегодня занято только своими проблемами и равнодушно к нуждам других, что в нашей стране без взятки невозможно решить ни одной проблемы; с другой стороны, уверены, что мир не без добрых людей, главное в жизни — честь и достоинство, спокойная совесть важнее любой прибыли, нет ничего важнее, чем семья, здоровье и друзья, за которыми идут образование, работа и материальный достаток.

Зафиксированный амбивалентный характер ценностно-нормативной сферы несколько усугубляется в региональном контексте, где студенты в целом придерживаются тех же ценностных доминант, что и их московские сверстники, но ряд приоритетов у них принципиально иной по причине влияния как более традиционной социокультурной ситуации (например, материальный достаток — один из, но не главный критерий жизненного успеха), так и меньших институциональных возможностей самореализации в образовательной (их не устраивает качество обучения), профессиональной (им сложно найти работу) и прочих сферах.

В то же время содержание ценностных ориентаций студенческой молодежи столичных и региональных вузов Китая настолько схоже, что нет смысла говорить об имеющихся несущественных расхождениях и тем более пытаться понять факторы, таковые детерминирующие.

Студентов двух стран сближает отношение к высшему образованию — в качестве основной причины его получения они называют желание обладать знаниями, необходимыми для дальнейшей жизни (затем у пекинских студентов идет заинтересованность предприятия, на котором они уже трудоустроены или собираются работать, а у российских студентов желание стать квалифицированным специалистом), широко распространенное стремление учиться за границей и желание продолжить образование (магистратура, аспирантура, второе высшее).

Главные требования к работе у китайских студентов таковы: интересная работа, которая предоставляет свободу действий и возможность самореализации, принося небольшой, но стабильный доход и предполагая возможность новых знакомств; менее существенны высокий заработок, свободное время, карьерный рост, престиж и компонента социальной ответственности.

У российских студентов на первом месте по значимости оказалась высокая оплата труда и интересность работы, затем идут гарантии карьерного роста, возможность самореализации, престиж, возможность новых знакомств и свободное время. В целом очевидна ориентированность китайских студентов на социально-коллективистские характеристики работы и ее финансовую стабильность, причем респонденты склонны выбирать один-два ключевых для себя параметра, поэтому даже доминирующие набирают не более 40%, тогда как российские студенты испытывают меньший оптимизм в оценке своих шансов на трудоустройство и более консолидировано (на уровне 70%) придерживаются прагматичных критериев поиска работы.

Противоположная ситуация наблюдается в оценках главного условия заключения брака: финансовая независимость, способность обеспечить себя и семью приоритетна для всех респондентов, но если так считает более 65% китайских студентов, то в России лишь треть (традиционная для репрезентативных общероссийских опросов общественного мнения треть пока не задумывалась о браке — либо вообще, либо о его официальной регистрации).

Впрочем, по другим личным вопросам мнения студентов двух стран сходятся: модальное желаемое число детей — двое; большинство обладают широким кругом общения, где выделяют несколько близких друзей; в тяжелые моменты жизни обращаются за помощью и поддержкой к друзьям и родителям; личную ответствен-

ность ощущают, в первую очередь, за свою семью и близких, на втором месте — ответственность за себя и друзей (в три раза больше китайских студентов, примерно треть, чувствует ответственность за страну).

Хотя большинство студентов заявляет о заинтересованности в политических вопросах и событиях, россияне в три раза чаще категорически отказываются от включения политической проблематики в сферу собственных интересов, апеллируя к недостатку свободного времени, бессмысленности отслеживания политических событий в силу невозможности влиять на происходящее и убеждения, что политика — грязное дело.

Примерно четверть опрошенных не принимает участия в выборах, будучи уверена, что их голос ничего не меняет и ни на что не влияет, тогда как ситуация в стране, наоборот, определяет реализацию их жизненных планов. Как граждане студенты консолидировано гордятся историческим прошлым, природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями.

Различия в предметах национальной гордости таковы: в Китае это положение страны на мировой арене, научные достижения и армия; в России — система образования. Общие зоны недовольства студентов, хотя и с существенными различиями в уровне такового, — развитие экономики и социальной сферы, соблюдение прав и свобод человека, деятельность государственных органов и уровень жизни населения. Тем не менее, доверие правительству, представительным органам и партии власти, общественным организациям, банкам, судам, армии, бизнесу и средствам массовой информации в Китае значительно (в 2—3 раза) превышает аналогичные показатели по России.

В целом китайских студентов отличает более высокая политическая заинтересованность и «социальный оптимизм»: они более однозначно характеризуют себя в координатах патриотизма, позитивнее воспринимают западное влияние, выше оценивают деятельность органов государственного управления и чувствуют себя более социально комфортно, демонстрируя по российским меркам предельно высокий уровень доверия базовым социальным институтам, причем без завышенных патерналистских ожиданий поддержки со стороны государства, которые свойственны российским студентам. Китайских респондентов отличает и более высокий уровень социальной ответственности: например, российские студенты больше озабочены проблемами наркомании и алкоголизма, а китайскую молодежь волнуют проблемы морального состояния общества, коррупции власти, отсутствия межпоколенческого диалога, ограниченных возможностей досуга и т.д.

Основной компонент жизненного успеха для россиян — материальный достаток, за которым идет комплекс из карьерных достижений, творческой самореализации и семейного благополучия; для китайских студентов успех в жизни — «набор» из общественного признания, творческой самореализации и семейного благополучия, за которым идет материальный достаток.

В свете представленных данных можно предполагать, что уровень тревожности российских студентов должен быть существенно выше, чем у их китайских сверстников, оценивающих социально-экономический и политический контекст своей жизни более оптимистично, позитивно и, что немаловажно, исходя из вполне традиционной трактовки жизненного успеха как включающего в себя существен-

ный компонент социального признания. Рассмотрим результаты социологического опроса репрезентативных (по релевантным для каждой страны критериям) выборок студенческой молодежи в Пекине и Москве (в каждом городе по идентичному инструментарию была опрошена тысяча человек), чтобы проверить это предположение.

Однако сначала следует уточнить нашу интерпретацию страхов и ее взаимосвязь с понятием ценностных ориентаций, которое вот уже на протяжении более чем ста лет находится в фокусе социологического интереса, позволяя получать и систематизировать знания о содержании и структуре мировоззрения людей.

Несмотря на активную проработку проблематики катастрофического/кризисного сознания в последние десятилетия и фактически институционализацию социальных страхов как предмета социологического анализа [см., напр., 4], тематики ценностей и массовых страхов крайне редко взаимоувязываются в эмпирических исследованиях, хотя общепризнанно, что современный человек живет в «обществе риска», в котором устойчивой формой массового сознания стало «катастрофическое», а большая часть страхов социально детерминирована [3] — это страхи социальных объектов и ситуаций социального взаимодействия.

Вероятно, подобная ситуация обусловлена тем, что внушительная концептуальная проработка и апробация многообразных познавательных средств и методических приемов изучения страха не лишили данное понятие избыточной дискуссионности и коннотированности: до сих пор не оформился единый подход к его теоретической и эмпирической интерпретации и универсальная классификация страхов в целом и их социального «кластера»; налицо конкуренция огромного количества терминологически близких страху и пересекающихся с ним понятий, позитивных и отрицательных оценок страхов, оценок соотношения реального, потенциального и воображаемого, личностного и социального в его продуцировании и т.д.

Тем не менее неопределенность не отменяет необходимости эмпирического изучения страхов, ставших сегодня тотальными, повсеместными и рутинизированными [2], и прежде всего реальных и «нормальных» страхов как ключевого индикатора, детерминанты и «маркера» ценностных ориентаций.

Однако следует помнить о двух принципиальных моментах эмпирической работы с понятием страхов в заданном контексте: во-первых, для социологического «измерения» обязательно, чтобы страхи были актуализированными (средства массовой информации постоянно «нормализуют» самые разнообразные риски и страхи, шансы встретиться с которыми воочию или в ближнем окружении у нас исключительно малы); во-вторых, некорректно рассматривать страхи как детерминанту только деструктивных форм поведения (агрессии, насилия, дезадаптации и пр.) — конечно, они могут выступать в подобном качестве (особенно в рамках и в целях политической манипуляции и пропаганды), но нас интересуют в доминантном модусе своего функционирования в современном обществе — как характеристики массового сознания, определяющую его специфику в различных социально-демографических, профессиональных и прочих группах.

Сконструированный нами опросный инструментарий был призван решить следующие задачи: выявить смысложизненные приоритеты студенческой моло-

дежи (базовые ценности и трактовки жизненного успеха); определить ключевые страхи современного студента (в сфере трудоустройства, материального достатка, личной жизни, здоровья, учебы); оценить общий уровень тревожности студенческой молодежи; выявить предпочитаемые респондентами стратегии преодоления дискомфортных ситуаций и обозначить факторы, обуславливающие состояние тревоги (например, источники информации об угрозах).

Ниже представлены результаты анкетирования выборочных совокупностей студенчества в Москве и в Пекине (их последовательность в основном отражает тематическое структурирование анкеты): они носят описательный характер, поскольку сложность и относительная новизна предметного поля не дают оснований и возможности для иных форматов аналитической отчетности, и наши китайские коллеги работают преимущественно с «линейками», а потому не предоставили таблицы сопряженности по каким бы то ни было параметрам.

Итак, весьма удручающими оказались оценки студентами своего основного эмоционального состояния за последний месяц (рис. 1): если сложить доли постоянно испытывающих чувство беспокойства и напряжения (15% российских респондентов и 12% китайских) и иногда ощущавших озабоченность и опасения (34% и 57% соответственно), то мы получим половину московской выборки и чуть меньше двух третей пекинской.

Практически не ощущавших тревоги среди россиян оказалось значительно больше — 40% против 26%. Если студенты испытывают сильный страх или тревогу, то обращаются за советом/поддержкой/утешением к родным и близким людям (46% российских респондентов и 50% китайских) или друзьям (44% и 51% соответственно), фактически каждый пятый «ждет, когда само пройдет» (22% и 17%).

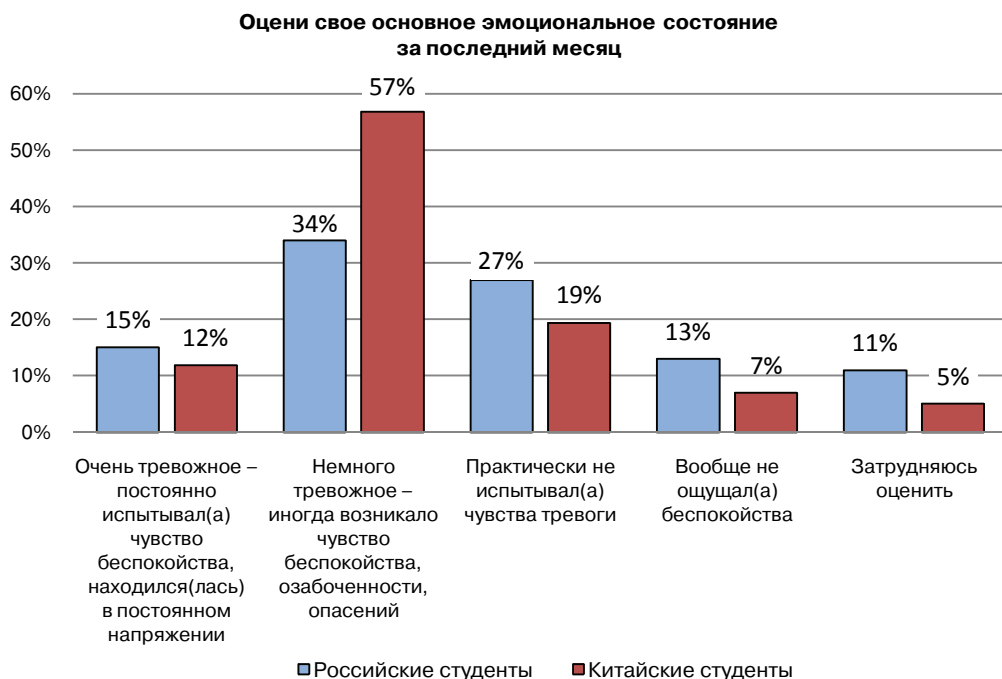

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Оцени свое основное эмоциональное состояние за последний месяц»

«Нормальная» амбивалентность российского молодежного самосознания проявляется в том, что 50% указали, что за последние несколько месяцев им случалось радоваться своим успехам, а 47% — что испытывали усталость и безразличие (табл. 1). Блок остальных позитивных эмоций представлен в московской выборке более консолидировано (вариации значений от 21% до 32%), тогда как негативные эмоции демонстрируют больший разброс, и зависть в этом списке явный аутсайдер.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Случалось ли тебе за последние несколько месяцев:»**

Варианты ответов	Условный позитив		Условный негатив	
	российские студенты	китайские студенты	российские студенты	китайские студенты
Радоваться своим успехам	49,5%	38,3%	—	
Чувствовать, что тебе все удается	32,2%	33,9%		
Чувствовать себя свободным	29,5%	17,1%		
Испытывать абсолютное счастье	28,3%	35,3%		
Ощущать уверенность в завтрашнем дне	20,8%	22,1%		
Ощущать усталость, безразличие	—		46,6%	33%
Чувствовать обиду			29,5%	16,6%
Ощущать озлобленность, агрессивность			26,7%	8,9%
Чувствовать одиночество			24,6%	28,8%
Ощущать растерянность			22,6%	29,1%
Испытывать страх			17,5%	9,9%
Чувствовать отчаяние			14,5%	11,5%
Испытывать зависть			7,9%	8,2%

О схожести самоощущения российских и китайских студентов можно говорить лишь в том смысле, что в обоих случаях блок позитивных эмоций представлен более консолидировано (хотя китайские респонденты реже чувствуют себя свободными и радуются своим успехам, но несколько чаще испытывают абсолютное счастье), чем блок негативных (китайские респонденты реже чувствуют усталость/безразличие, обиду, агрессию и страх).

Принципиальные различия студенческих групп формируют два параметра: во-первых, «градус» эмоциональности российских респондентов явно выше, особенно в выражении негативных эмоций (ни один вариант ответа на данный вопрос не набрал в пекинской выборке 40% и доля выбирающих сразу множество вариантов ответов здесь также ниже); во-вторых, китайские респонденты реже выбирают явно негативно коннотированные и активно-личностные эмоциональные состояния, поэтому у них оказалось трое аутсайдеров — озлобленность/агрессивность (различие в три раза (!), видимо, обусловлено тем, что слово «агрессивный» в русском языке все чаще обретает позитивную окраску — хорошими считаются «агрессивная реклама», «агрессивный стиль вождения», «агрессивная маркетинговая стратегия» и пр.), страх и зависть.

«Контекст» опроса (анкеты раздавались студентам в вузах), несомненно, оказал влияние на сферу проявления негативных переживаний: каждый второй респондент утверждает, что таковые за последние несколько месяцев у него были в основном связаны с учебой. Затем «зоны» негативных эмоций расходятся: при-

мерно у каждого третьего россиянина они связаны со всем остальным, т.е. с семьей, друзьями, работой и здоровьем (следует учитывать, что в вопросе использовался набор дихотомических шкал); тогда как у 41% пекинских студентов — с друзьями, у каждого третьего — с работой/трудоустройством, у каждого пятого — со здоровьем, у 15% — с семьей.

Интерпретировать эти различия сложно, хотя, наверное, китайские респонденты восприняли данный вопрос как более личный, чем их российские сверстники.

Интересно совпадение двух выборок не только по параметру переживаний, связанных с учебой, но и с негативными эмоциями в сфере трудоустройства, хотя среди московских студентов работающих или подрабатывающих оказалось 60%, а среди пекинских — 90% (впрочем, следует принять во внимание, что китайские социологи объединили два вопроса российской анкеты в один, поэтому оценка количества работающих китайских студентов дается приблизительно).

Основным критерием выбора места работы у россиян оказалась возможность ее совмещения с учебой (46%), каждый пятый назвал связь работы с получаемой специальностью, ее интересность и уровень заработной платы. В китайской выборке модель распределения приоритетов в выборе места работы оказалась такой же, хотя мотив совмещения работы с учебой набрал меньше ответов (36%).

Те студенты, что не работают и не подрабатывают, в России аргументируют это тем, что не смогут совмещать работу и учебу (33%), или же акцентируя приоритетность учебы по сравнению с трудоустройством в текущий момент времени (38%). У китайских студентов основным мотивом отказа от трудовой занятости стало, с одной стороны, то же соображение о невозможности совмещения работы и учебы (28%), и каждый пятый также акцентирует приоритетность учебы, с другой — неудачный опыт поиска работы (26% не смогли найти работу, в которой бы их все устраивало).

Что касается ожиданий на будущее, то большинство опрошенных надеется возглавить коммерческую организацию — в качестве владельца (37% российских респондентов и 27% китайских) или руководителя (примерно по 16%).

Различия по остальным вариантам профессиональной карьеры незначительны (табл. 2): китайские студенты чаще хотели бы стать руководителем в государственной организации, работать в коммерческой организации или в свободном режиме на дому, и расхождения с российской выборкой связаны с меньшим числом надеющихся вообще не работать или пока не представляющих своего будущего.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «В будущем ты надеешься:»

Варианты ответов	Российские студенты	Китайские студенты
Стать хозяином собственного бизнеса	36,8%	26,9%
Стать руководителем в коммерческой организации	16,1%	16,8%
Стать руководителем в государственной организации	8,9%	13,3%
Работать в коммерческой организации	9,9%	12,8%
Работать в государственной организации	7,6%	8,2%
Работать в свободном режиме или на дому	14,3%	19,3%
Не работать вообще	5,8%	1,2%
Другое	3,4%	1,6%

Для снижения «негативности» восприятия опросного инструментария, прежде чем задавать вопросы о страхах и опасениях, в анкету были включены нейтральные (по причине своей несензитивности и рутинности) вопросы относительно учебы. Так, абсолютными лидерами ответов на предложение продолжить фразу «Обучение в университете для тебя, в первую очередь...» у российских студентов стали: возможность стать квалифицированным специалистом, получить «корочку», необходимую для трудоустройства, и знания, необходимые для жизни, — они набрали по 44% и говорят о прагматичном восприятии сути высшего образования, хотя ненамного отстает от них вариант «возможность саморазвития и самореализации». Несколько иную лидерскую «тройку» мы наблюдаем у китайских студентов: возможность получить знания, необходимые для дальнейшей жизни (52%), и «корочку» (43%) здесь сохранили свои позиции, но третьим «лидером» оказались возможности саморазвития и самореализации, существенно упрочившие свои позиции по сравнению с российской выборкой (48%), тогда как значимое для московских студентов стремление стать квалифицированным специалистом разделяет лишь каждый десятый пекинский респондент (этот мотив получения высшего образования оказался эквивалентен трактовке обучения в университете как приятного способа времяпрепровождения и даже шанса заключить удачный брак).

Впрочем, различия в оценке значения обучения в своей будущей жизни не влияют на учебу: 41% российских и 45% китайских респондентов уверены, что «учатся нормально, могли бы и лучше, если бы захотели», каждый четвертый «старательно учит только то, что может пригодиться в дальнейшем, и забывает на остальное», каждый пятый утверждает, что учеба в университете складывается у него «здорово — впитывает знания, как губка, и учится легко».

Основная сложность для российских студентов — все успевать (43%), второй блок по частоте упоминаний составили варианты «досдавать долги» (27%), «выступать перед аудиторией» (отвечать на семинарах, делать доклады и пр.) и «писать контрольные работы» (аттестации, рефераты, курсовые и пр.) (по 20%), «получать плохие оценки» (15%); лишь каждый десятый считает, что ничего сложного в учебе нет, а потому «учится легко и с удовольствием».

К сожалению, наши китайские коллеги, несмотря на то, что итоговый текст анкеты был согласован сторонами, убрали из данного вопроса вариант ответа «все успевать», поэтому сравнивать распределение выборов здесь некорректно. Единственное, что можно сказать: лидером измененного списка ответов в китайской выборке стали выступления перед аудиторией (32%), затем идут плохие оценки (23%), редко выбиравшееся российскими студентами (9%) «общение с преподавателями», которое назвал каждый пятый респондент (19%) наряду с подготовкой домашних заданий (18%) и досдачей долгов (17%).

Кроме того, в китайской версии анкеты в данный вопрос был добавлен вариант «все хорошо», в результате чего доля тех, у кого «все хорошо», составила 23% (если учитывать здесь и тех, кто не видит в учебе ничего сложного и «учится легко и с удовольствием»).

В последнем вопросе в варианте о выступлениях перед аудиторией был, по сути, заложен переход к следующему тематическому блоку анкеты, в котором студентам предлагалось оценить свое социальное самочувствие и высказаться о значении для себя публичной сферы жизни.

Среди российских и китайских студентов оказалось примерно одинаковой доля считающих себя социальными конформистами, но не забывающих о самореализации (39% и 36% соответственно), стремящихся выделиться (по 15%) и затруднившихся охарактеризовать себя в заданным координатах (рис. 2). Различие выборок состоит в том, в России существенно больше (33% против 20%) ситуационно ориентирующихся в жизненных реалиях, тогда как в Китае — ярко выраженных социальных конформистов, стремящихся быть, как все (22% против 6%).

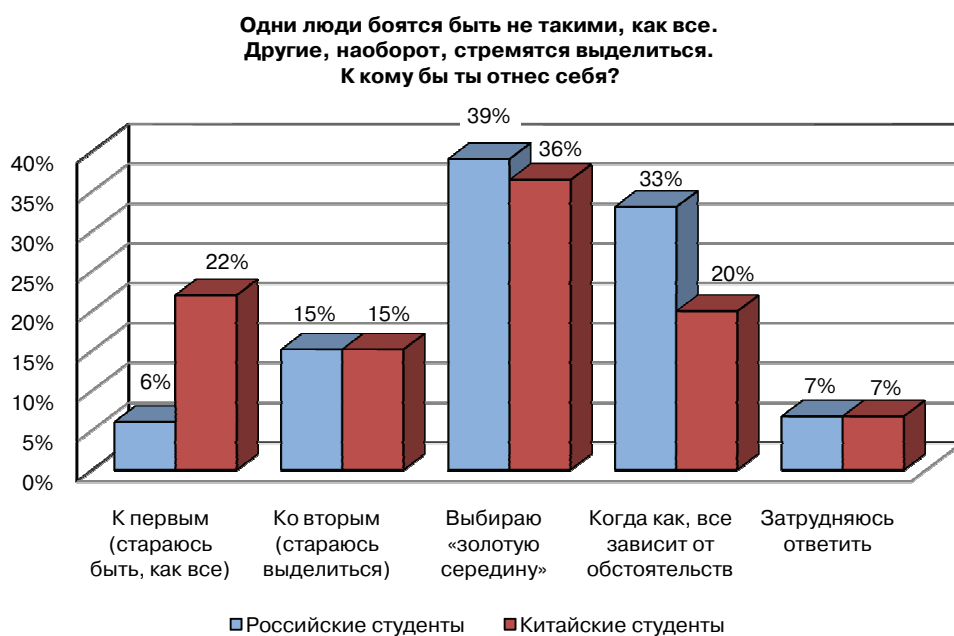

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Одни люди боятся быть не такими, как все. Другие, наоборот, стремятся выделиться. К кому ты бы отнес(ла) себя?»

Жизненный успех для студентов — это прежде всего семейное благополучие (примерно по 60%), по остальным критериям жизненного успеха респонденты расходятся: у российских респондентов на втором месте по значимости оказались материальный достаток/богатство (47%) и творческая самореализация (44%), за которыми следуют карьерные достижения (35%), тогда как у китайских студентов семейное благополучие делит первенство с творческой самореализацией (59%), а уже за ними со значительным отрывом следуют материальный достаток, богатство и карьерные достижения (их назвал каждый третий респондент). Иными словами, наблюдается достаточно сложный комплекс параметров самооценки респондентами себя как успешных людей, но для китайских студентов сфера личной жизни и самореализации более значима.

Уже по распределению ответов на данный вопрос можно прогнозировать достаточно высокий уровень тревожности студенчества, поскольку достичь всех элементов успеха в многослойном современном обществе крайне сложно, даже учитывая, что респондентам важно признание и уважение, в первую очередь, семьи, близких и друзей (более 60%), а собственная самооценка как успешного человека значительно отстает от ближнего круга, хотя в два раза более значима в китайской выборке (15% против 29%).

Чтобы достичь успеха, по мнению российских студентов, человеку, прежде всего, необходимы: трудолюбие (59%), коммуникабельность (52%), целеустремленность (50%), талант, способности и оптимизм (по 41%), честолюбие и амбициозность (35%), умение идти напролом в достижении своей цели (34%), расчетливость (30%) и исполнительность (28%).

Набор ключевых качеств успешности у китайских студентов выглядит иначе: в первую очередь оптимизм (68%), затем коммуникабельность (47%), лояльность (44%) и честность (40%), каждый третий назвал изворотливость, исполнительность, целеустремленность, искренность, независимость и талант/способности. Несмотря на различия, в обеих странах список нужных для успеха качеств получился не только внушительным, но и весьма разномастным, поскольку сочетать в себе все эти черты крайне сложно.

Отвечая на вопрос «Представь на минуту, что на один день ты стал президентом Российской Федерации. На решении каких проблем, наиболее важных и тревожащих именно студенческую молодежь, ты бы сосредоточился?», российские студенты вполне консолидировано назвали, по сути, объективные факторы, которые мешают им стать успешными с помощью своего трудолюбия, коммуникабельности, целеустремленности, талантов, оптимизма и пр.: отсутствие системы социальных гарантий (63%), а также блат, взяточничество и коррупцию (45%) (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Представь на минуту, что на один день ты стал президентом Российской Федерации.
На решении каких проблем ты бы сосредоточился?»
(в китайском варианте анкеты — «Какие из следующих проблем ты бы хотел
решить в первую очередь?»)**

Варианты ответов	Российские студенты	Китайские студенты
Реформа социальной сферы (человек должен быть уверен, что даже старый или больной он сможет вести достойную полноценную жизнь)	63,1%	33%
Искоренение блата, взяточничества, коррупции	45%	42,9%
Сокращение бедности	41%	38,5%
Обеспечение достойного трудоустройства выпускников вузов	33,5%	43,7%
Реформа правоохранительных органов для обеспечения безопасности граждан	32,7%	31,3%
Повышение стипендий до уровня прожиточного минимума	26,3%	17%
Обеспечение равных возможностей всех молодых людей в получении высшего образования	20,3%	33,1%

Китайские коллеги, видимо, решили снизить проективность вопроса, что не могло не сместить его интерпретацию с общегосударственного уровня, в ре-

зультате чего в ответах китайских респондентов приоритетами (примерно по 40% ответов) стали обеспечение достойного трудоустройства выпускников вузов, искоренение блага, взяточничества и коррупции и сокращение бедности (последние два параметра одинаково важны для российских и китайских респондентов), тогда как реформа социальной сферы называлась в два раза реже (это может быть связано не столько с изменением инструментария, сколько с достаточно давним отказом государства в Китае от многих форм социальной поддержки).

Учитывая, что для российского общества в последние годы характерен так называемый «демографический провал», благодаря чему возможности получения высшего образования в России практически коррелируют с числом выпускников школ, проблема доступности образования, вполне предсказуемо, оказалась более значимой для китайских студентов (33% против 23%), а патерналистские ожидания у них представлены в меньшей степени — им важнее помощь в трудоустройстве, чем повышение стипендий (обратная ситуация прослеживается в российской выборке).

Для «диагностики» ключевых страхов студентов в анкете был задан вопрос «Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаться больше всего?», распределение ответов на который в российской выборке сложно назвать непредсказуемым, и варианты можно условно сгруппировать в несколько тематических блоков (примем во внимание только набравшие более 15% — табл. 4): боязнь одиночества (остаться одному — потерять близких, не иметь детей), заболеть неизлечимой болезнью, безработицы и, соответственно, бедности, или же денежной работы без возможностей самореализации, а также боязнь разочароваться в жизни — в профессии/деле/любимом человеке/учебе.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаться больше всего?»**

Варианты ответов	Российские студенты	Китайские студенты
Потерять близких	57%	41,3%
Заболеть неизлечимой болезнью	34,4%	17,8%
Быть бездетным	31,2%	10,7%
Оказаться одиноким человеком	30,8%	24,8%
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	27,4%	37,8%
Оказаться безработным	24,4%	30,4%
Бедности	22,8%	22,3%
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	20,8%	21,1%
Разочарования в выбранном деле/профессии	16,2%	17,6%
Неудачи в любви	15,6%	11,2%
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться/получить диплом)	14,6%	10,7%
Оказаться под следствием/в тюрьме	13,2%	8,7%
Не выйти замуж/не жениться	11,8%	11,7%
Умереть	10,8%	11,6%
Публичного унижения/оскорбления	10,4%	10,7%
Стать жертвой преступников	9,4%	11,8%
Внепланово забеременеть	7,2%	4,9%
Заболеть свиным гриппом или иной пандемической болезнью	5%	8,5%
Пойти служить в армию	3,6%	6,2%
Жизни без компьютера/Интернета	2,6%	3,8%

За исключением разочарования в учебе и в любви, по долям (более 15%) данный набор страхов является общим для российских и китайских студентов, однако прослеживаются и значимые различия, помимо характерного для большей части вопросов анкеты непреодоления китайской выборкой максимального значения выборов в 40%: китайские студенты, видимо, более фаталистичны, поэтому в два-три раза реже опасаются заболеть неизлечимой болезнью или остаться бездетным, существенно меньше страшатся одиночества и потери близких, но больше — отсутствия финансовых возможностей жить так, как они хотят (в том числе и по причине безработицы).

В значительной степени объясняет столь явно доминирующий среди российских студентов страх потерять близких распределение ответов на вопрос «Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?» (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями?»**

Варианты ответов	Очень + немного боюсь	
	Российские студенты	Китайские студенты
Террористические атаки в нашей стране	81,4%	75,4%
Разгул преступности в жизни страны	73,2%	83,6%
Коррупция и беззаконие	72,1%	96,6%
Последствия мирового экономического кризиса	69,9%	86,9%
Политический экстремизм	66,8%	70,4%
Стихийные бедствия (землетрясение, наводнение и пр.)	66,2%	90,3%
Военные действия	65,6%	74,3%
Массовая эпидемия	64,5%	87,7%
Химическое и радиационное заражение воды, воздуха	64,1%	84,2%
Экологическая катастрофа	63,5%	91,4%
Межэтнический конфликт	60,5%	77%
Ядерная война	60,5%	69,2%
Полная утрата традиций и культуры в жизни страны	59,2%	61,6%
Техногенная катастрофа в жизни страны	58%	82,5%
Вытеснение мигрантами коренного населения	54,3%	50,8%
Гражданская война	54,1%	57,2%
Революция/путч/переворот	51,4%	75,5%
Безвластие, анархия в жизни страны	47,5%	54,9%
Вторжение инопланетян в нашу страну	21,9%	41,2%

В данном случае имеет смысл рассматривать совокупное распределение вариантов «очень боюсь» и «немного боюсь», потому что все перечисленные угрозы не являются рутинно актуальными (вряд ли кто-то из нас в повседневной жизни воочию видел, а не через средства массовой информации узнавал о таковых), а скорее потенциально опасными.

Соответственно, 57% опрошенных боятся потерять своих близких именно потому, что оценивают как высоко вероятные в нашей стране террористические угрозы (81%), разгул преступности, коррупции и беззакония (более 70%), последствия мирового экономического кризиса, который существенно повлияет на уровень

безработицы, бедности и разгул преступности (70%), политический экстремизм, стихийные бедствия, военные действия, массовые эпидемии, радиационные, техногенные и экологические катастрофы, ядерную войну (свыше 60%) и т.д.

В «репертуаре» страхов российского студенчества отчетливо выделяются две крайние позиции: максимальные опасения у респондентов вызывает угроза террористических атак (81%) (что вполне объяснимо, учитывая частоту сообщений о реализованных и предотвращенных терактах в российских средствах массовой информации), наименьшие — вторжение инопланетян (22% против 41% китайских респондентов). Как это ни удивительно, но, несмотря на декларируемый фатализм, уровень тревожности китайских студентов оказался существенно выше практически по всем факторам угроз: свыше 90% боятся столкнуться с коррупцией и беззаконием, стихийными бедствиями и экологическими катастрофами; свыше 80% — с преступностью, последствиями мирового экономического кризиса и массовыми эпидемиями, в том числе в результате химического и радиационного заражения окружающей среды и техногенных катастроф; свыше 70% — терактов, политического экстремизма, революций/переворотов, военных действий и даже ядерной войны.

Причем по целому ряду параметров уровень озабоченности китайского студенчества существенно выше, чем российского — как в социально-экономической сфере (97% против 71% опасаются столкнуться с коррупцией и беззаконием, 87% против 70% — с последствиями мирового экономического кризиса), так и в связи с различными катастрофами природно-экологического (примерно 90% против 60%), техногенного (примерно 80% против 60%), эпидемиологического (88% против 65%) и военно-политического (примерно 75% против 55%) характера.

В основном обо всех перечисленных угрозах студенты узнают из Интернета, который относительно давно стал безусловным лидером молодежного рейтинга источников получения информации и сфер досуговой деятельности, а также из телевизионных передач, т.е. практически все угрозы имеют медийный формат, а не статус реально актуализированных. Ближний круг общения играет менее определяющую роль, поскольку различные его «участники» набрали в данном вопросе от 16% до 27% (табл. 6).

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос
«В основном обо всех перечисленных выше угрозах ты узнаешь:»**

Варианты ответов	Российские студенты	Китайские студенты
Из Интернета	84,3%	72,6%
Из телевизионных передач	54,3%	64,2%
От родственников, друзей	27%	21%
Из разговоров со своими сверстниками	24,4%	35,1%
Читая газеты, журналы	22,2%	42,3%
Из разговоров с людьми старших поколений	19,7%	16,1%
Из радиопередач	15,2%	30%
От случайных людей (например, в общественных местах)	10,8%	17,1%

В целом следует отметить большой «традиционализм» китайской молодежи в выборе источников информации: меньше студентов здесь пользуется Интернетом, предпочитая традиционные медиа (телевидение, радио, газеты и журналы) и коммуникативные каналы (общение со сверстниками и разговоры в общественных местах). Причем лишь каждый пятый российский и каждый седьмой китайский респондент уверенно заявляет, что после просмотра информационных и аналитических сообщений средств массовой информации (телевидения, радио, Интернета) у него никогда не возникает чувства тревоги — каждый десятый опрошенный испытывает его практически всегда, свыше 70% — иногда.

Тем не менее, некорректно утверждать, что при достаточно высоком уровне тревожности российское и китайское студенчество отличает пессимистический и безрадостный настрой, хотя различия молодежи двух стран здесь значительны.

Как и во многих общероссийских опросах общественного мнения, в самооценках и в восприятии окружающих реалий студенты не склонны высказываться консолидировано — выборка распадается на три условные совокупности: треть опрошенных (31%) затруднилась однозначно оценить наметившиеся векторы изменения жизни в стране за последнее время (среди китайских респондентов — 21%), 35% считают, что она вообще не меняется (все остается по-прежнему), а 26% склонны фиксировать ее изменения в худшую сторону (считают, что она становится все лучше и безопаснее, 8%). Однако с тревогой и неуверенность в будущее смотрит 16% российских студентов, 37% — скорее с надеждой и оптимизмом, 42% спокойно, но без особых надежд и иллюзий, т.е. говорить о доминирующем трагически-безрадостном настрое сложно.

Еще более оптимистичное восприятие действительности демонстрируют китайские студенты: более половины опрошенных (59%) убеждены, что жизнь в стране становится лучше, ухудшения отметили 7%, отсутствие изменений — 13%. Впрочем, позитивное восприятие реалий не повлекло за собой существенного по сравнению с российской выборкой перераспределения ответов на вопрос, как китайские студенты смотрят в будущее: 12% — с тревогой и неуверенностью, треть (33%) — спокойно, 48% — с надеждой и оптимизмом (т.е. «надеющихся» здесь несколько больше, чем «спокойных», в отличие от московской выборки).

Вероятно, подобный уровень спокойствия в оценке будущего на фоне весьма высокой озабоченности перспективами личного столкновения с огромным спектром угроз объясняется тем, что большая часть страхов и опасений личного характера (бездетность, одиночество, нереализованность и пр.) еще не вполне актуальна для молодежи, а социально-политического и стихийно-катастрофического характера — воспринимается фаталистично, как неотвратимая неизбежность в принципе, благодаря постоянному и потому рутинизирующему страхи медийному «шуму». Собственно это подтверждает и самооценка респондентов: треть российских и каждый второй китайский студент квалифицирует себя как оптимиста (30%), реалиста (33% и 18% соответственно) или «ситуациониста» (26% и 13%), тогда как пессимистами себя назвали 4% и 9% опрошенных.

Бóльшие опасения социально не состояться испытывают китайские студенты: иногда боятся, что могут стать неудачниками, 39% россиян и 61% китайцев (часто — 4% и 17% соответственно), тогда как категорически исключают для себя эту

возможность 41% и 12%, причем в целом довольны своей жизнью 64% российских студентов и 70% китайских, недовольны — 8% и 15% соответственно (29% и 10% затруднились высказаться по этому вопросу однозначно).

Вероятно, некоторую амбивалентность в ответах китайских студентов, которые декларируют и большой оптимизм, и большие опасения в отношении собственного будущего, следует объяснять устойчивыми социокультурными трактовками «нормального» поведения: в российском обществе принято преуменьшать и замалчивать реальные достижения и опасения, тогда как в китайском — трезво оценивать свои шансы, в целом надеясь на позитивное развитие событий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бао Шифэнь*. Сравнение реформ в России и Китае // Китайские политологи о характере и результатах перестройки в России в «эпоху Ельцина». Экспресс-информация Института Дальнего Востока РАН. — 2000. — № 4.
- [2] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [3] *Горшков М.К.* Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социологические исследования. — 2009. — № 7.
- [4] *Ильясов Ф.Н.* Феномен страха смерти в современном обществе // Социологические исследования. — 2010. — № 9.
- [5] *Пивоварова Э.* Уроки хозяйственной реформы в КНР // Российский экономический журнал. — 1997. — № 5—6.
- [6] *Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф.* Мировой рынок труда и международная миграция. — М., 2011.
- [7] *McCallum C.* Globalization, developments and trends in the new international division of labour. Paper № 19—99 // Research Papers in International Business, 2012.

STUDENT YOUTH EXPECTATIONS AND CONCERNS: SOCIOLOGICAL EVALUATION IN THE CROSS-CULTURAL CONTEXT

N.P. Narbut, I.V. Trotsuk, Ji Jinfeng

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The authors accept the necessity and validity of the outlined in the article and generally accepted methodological decisions in the analysis of the youth situation in the labor market and the process of professional development of young people as determined by a set of objective and subjective factors. However, they believe it is important to supplement such data by evaluation of the expectations and concerns of students in the professional sphere for many problems in the labor market are brought about by the mismatch of realities and expectations of young professionals and their concerns regarding employment and career.

Before considering such expectations and concerns, the authors developed a questionnaire to assess the general level of anxiety of the youth so that to interpret correctly the future survey data focused on professional hopes and fears. The article presents the results of the comparative analysis of anxiety levels among Russian and Chinese students obtained in the surveys of the relevant samples in Moscow and Beijing. In particular, the authors registered a higher level of anxiety and at the same time of optimism and fatalism among Chinese youth, but such an ambivalence is quite 'normal' and is typical for Russian students as well although on other grounds.

Key words: value orientations; fears; level of anxiety; concerns and expectations in the professional sphere; students; youth; survey questionnaire; comparative analysis of youth self-consciousness ambivalence.

REFERENCES

- [1] *Bao Shifen'*. Sravnenie reform v Rossii i Kitae // Kitajskie politologi o haraktere i rezul'tatah perestrojki v Rossii v «jepohu El'cina». Jekspress-informacija Instituta Dal'nego Vostoka RAN. — 2000. — № 4.
- [2] *Beck U.* Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu. — M.: Progress-Tradicija, 2000.
- [3] *Gorshkov M.K.* Fobii, ugrozy, strahi: social'no-psihologicheskoe sostojanie rossijskogo obshhestva // Sociologicheskie issledovanija. — 2009. — № 7.
- [4] *Il'jasov F.N.* Fenomen straha smerti v sovremennom obshhestve // Sociologicheskie issledovanija. — 2010. — № 9.
- [5] *Pivovarova Je.* Uroki hozjajstvennoj reformy v KNR // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. — 1997. — № 5—6.
- [6] *Rjazancev S.V., Tkachenko M.F.* Mirovoj rynek truda i mezhdunarodnaja migracija. — M., 2011.